

ДЖОН УИНДЕМ

ЧОККИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
УЗ7

Серия «Эксклюзивная классика»

John Wyndham

СНОСКИ

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фереэ*

Печатается с разрешения The John Wyndham Estate Trust
при содействии литературных агентств
David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC

Уиндем, Джон.

УЗ7 Чокки : [сборник / перевод с английского] /
Джон Уиндем. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107952-9

Тысячи миров, подобных нашему, лежат совсем рядом, отделенные лишь тончайшей пространственно-временной границей.

И если пересечь эту границу, возможно все:

- найти свою истинную любовь;
- повстречать человека, потерянного много лет назад;
- получить шанс повернуть время вспять и исправить роковую ошибку;
- к своей немалой выгоде договориться с демоном;
- обрести учителя и друга, который приоткроет перед тобой тайны вселенной!

Читайте увлекательный «путеводитель» Джона Уиндема по лабиринтам миров!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107952-9

© John Wyndham Estate Trust, 1956, 1968
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2018
© Перевод. Р. Померанцева, наследники, 2018
© Перевод. В. Ковалевский, наследники, 2018
© Перевод. Н. Штуцер, наследники, 2018
© Перевод. К. Круглов, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ЧОККИ

Глава 1

Я узнал о Чокки весной того года, когда Мэтью исполнилось двенадцать. В конце апреля или в начале мая — во всяком случае, весной, потому что в этот субботний день я без особого пыла смазывал косилку в сарае и вдруг услышал под окном голос Мэтью. Я удивился: я и не знал, что он тут, рядом. Он с явным раздражением отвечал кому-то, а вот кому — непонятно.

— Почему я знаю? Так уж оно есть.

Я решил, что он привел в сад приятеля и тот спросил его о чем-то по дороге. Я ждал ответа, но так и не дождался. И тут снова заговорил мой сын, сменив гнев на милость:

— Ну, время, за которое Земля оборачивается вокруг своей оси, — это сутки, и в них двадцать четыре часа, и...

Он замолчал, словно его прервали, но я ничего не услышал.

— Не знаю я почему! — снова ответил он. — И ничем тридцать два не лучше! Всем известно, что двадцать четыре часа — это сутки, а семь суток — неделя...

Его прервали опять. Он возразил:

— Нет, не глупо! Семь не глупей восьми. (Пауза.) А зачем ее делить на четвертушки? Ну зачем? В неделе семь дней — и все! А четыре недели — это месяц,

только в нем тридцать дней или тридцать один... Нет, тридцать два никогда не бывает! Дались тебе эти тридцать два!.. Да, я понял, просто нам такой недели не надо... И вообще Земля делает оборот вокруг Солнца за триста шестьдесят пять дней. Все равно ты их не разделишь на твои половинки и четвертушки.

Мое любопытство было настолько возбуждено этим односторонним разговором, что я осторожно выглянул из окна. Мэтью сидел под самым окном на перевернутом ведре, привалившись к нагретой солнцем кирпичной стенке, и я увидел сверху его светло-волосую макушку. Смотрел он, по-видимому, на кусты, что росли по ту сторону газона. Но в этих кустах, да и вообще нигде вокруг никого не было. Однако Мэтью продолжал:

— В году двенадцать месяцев. — Его снова прервали, и он чуть-чуть склонил голову набок, словно прислушивался. Прислушался и я, однако не услышал ни словечка, даже шепотом.

— Совсем не глупо! — возразил он. — Одинаковые месяцы в год не втиснешь, хоть ты их...

Он снова оборвал фразу, но на этот раз прервавший его голос был слышен весьма отчетливо. Это крикнул Колин, соседский мальчишка, в саду за стеной. Мэтью мгновенно преобразился — серьезность слетела с него, он вскочил, взревел и помчался по газону к дырке в нашем заборе.

Я же принялся за косилку, и все это не шло у меня из головы, но шум, поднятый мальчишками в соседнем саду, немного успокоил меня.

Я постарался не думать об этом, но позже, когда дети легли, мне снова стало не по себе.

Беспокоил меня не этот разговор — дети, в конце концов, часто говорят сами с собой; я удивился тому,

на какую тему говорили, и не понимал, почему Мэтью так упорно и явно верил в присутствие невидимого собеседника. Наконец я спросил:

— Мэри, ты ничего не замечала странного... или... нет, как бы это получше выразиться?... необычного, что ли... у Мэтью?

Мэри опустила вязанье.

— А, и ты заметил! — Она взглянула на меня. — Да, «странное» — не то слово. Он слушал невидимку? Или говорил сам с собой?

— И то и другое. Это с ним давно?

Она подумала.

— В первый раз я это заметила... ну, дней двадцать назад...

Я не очень удивился, что так долго ничего не замечал: на неделе я мало вижу детей.

— Беспокоиться не стоит, — говорила Мэри. — Детская блажь... Помнишь, он был машиной, углы огибал, тормозил. Слава богу, это скоро кончилось. Надо думать, и тут недолго протянется...

В голосе ее было больше надежды, чем уверенности.

— Ты не волнуешься за него? — спросил я.

Она улыбнулась:

— Он в порядке! Я больше волнуюсь за нас.

— За нас?

— Может, нам грозит новый Пиф.

Мне стало не по себе.

— Ну нет! — вскинулся я. — Только не Пиф!

Мы с Мэри встретились шестнадцать лет назад и через год поженились. Встречу нашу можно приписать и совершенной случайности, и чрезмерной предусмотрительности судьбы, смотря как взглянуть.

Во всяком случае, обычной она не была, и — насколько нам обоим помнится — нас никто никогда не знакомил.

К тому времени я несколько лет работал не за страх, а за совесть в фирме «Энсли и Толбой», что на Бедфорд-сквер, и как раз тогда меня сделали младшим компаньоном. Теперь уж я не помню, почему я решил как-то особенно, по-новому провести лето — то ли хотел отпраздновать повышение, то ли просто устал, а может, тут было и то и другое.

Теоретически я мог поехать куда угодно. В действительности же не все было мне по карману, и времени могло не хватить, и за пределы Европы тогда не очень выезжали. Но, в сущности, и в Европе много хороших мест.

Поначалу я носился с мыслью о круизе по Эгейскому морю. Залитые солнцем острова манили меня, я тосковал по лазури вод, и пение сирен уже ласкало мой слух. К несчастью, оказалось, что все места, кроме недоступного мне первого класса, проданы до октября.

Потом я решил просто побродить по Европе, беззаботно шагая от деревни к деревне; но, поразмыслив, понял, что моих школьных знаний французского будет маловато.

Тогда, как и тысячи других людей, я стал помышлять о туристической поездке; в конце концов, вам покажут много интересных мест. Я снова подумал о Греции, но, сообразив, что добираться до нее очень долго, даже если и делать по сто миль в день, нехотя отложил это на будущее и сосредоточил внимание на более доступных мне красотах Рима.

Мэри Босворт в эти дни была без работы. Она только что окончила Лондонский университет и не знала, кому нужны — и нужны ли вообще — ее познания в истории. Они с подругой после экзаменов решили отправиться за границу для расширения кругозора. Правда, у них были разногласия насчет того,

куда ехать. Мэри тянуло в Югославию. Подруга ее, Мелисса Кэмпли, стремилась в Рим — из принципа, а главное потому, что такую поездку она считала паломничеством. Сомнения Мэри — может ли паломник ехать поездом — она отмела и стояла на том, что путешествие с гидом, снабжающим вас по пути ценными сведениями, ничуть не хуже поездки верхом, одобренной сомнительными историями. Спор кончился сам собой: туристическое агентство сообщило, что набирает группу туристов для путешествия в Рим.

За два дня до отъезда Мелисса заболела свинкой. Мэри обзвонила друзей, но никто не смог собраться так быстро, и ей пришлось отправиться одной туда, куда ехать не хотелось.

Так цепочка помех и уступок привела к тому, что мы с Мэри и двадцатью пятью другими туристами сели в розовый с желтым автобус, и, сверкая золотыми буквами, он повез нас к югу Европы.

Но в Рим мы так и не попали.

Кое-как устроившись на ночь в гостинице у озера Комо, где удобства были ниже всякой критики, а еда — и того хуже, мы проснулись в одно лучезарное утро и, глядя на то, как солнце сгоняет туман с ломбардских холмов, поняли, что дело наше плохо. И гид, и шофер, и автобус исчезли.

После бурного совещания мы решили послать срочную телеграмму в агентство; ответа не было.

Время шло, настроение портилось — не только у нас, но и у хозяина. Кажется, он ждал к вечеру новых туристов. Наконец они прибыли, и наступил полный хаос.

Все начали снова совещаться, и вскоре стало ясно, что мы с Мэри — единственные одиночки — не можем рассчитывать на постели; стащив из ресторана

стулья полегче, мы расположились на них. Все же лучше, чем на полу.

Наутро ответ от агентства все еще не пришел. Мы снова послали срочную телеграмму. Кое-как нам удалось раздобыть кофе и булочек.

— Так далеко не уедешь, — сказал я Мэри за завтраком.

— Как по-вашему, — спросила она, — что случилось?

Я пожал плечами:

— Может, агентство обанкротилось. Эти двое — шофер и гид — как-то узнали и поспешили смыться.

— Вы думаете, не стоит тут ждать?

— Конечно. А деньги у вас есть?

— До дома доехать не хватит. Фунтов пять-шесть и лир тысячи четыре. Я думала, мне много не надо.

— И я так думал. У меня фунтов десять, а лир совсем мало. Давайте подумаем, как нам быть.

Мэри огляделась. Наши спутники раздраженно спорили или мрачно молчали.

— Ладно, — согласилась она.

Мы взяли чемоданы, вышли и сели у дороги ждать автобуса. Он привез нас в городок, где была железнодорожная станция, и оттуда мы поехали в Милан. Консул не очень нам обрадовался, но с облегчением вздохнул, когда узнал, что мы просим лишь денег для проезда домой вторым классом.

Следующей весной мы поженились. Это оказалось не так просто. У Мэри было столько родных, что на свадьбе я чуть не задохнулся.

Мои родители скончались за несколько лет до моей свадьбы; родных у меня мало, так что с моей стороны были только Алан Фрум — мой шафер, дядя с тетей, две кузины, старший партнер по фирме и несколько друзей. Все остальное пространство в церкви занимали Босворты. Там были родители Мэри;

ее старшая сестра Дженет с мужем, четырьмя детьми и явными признаками пятого; другая старшая сестра — Пэшенс, с тремя детьми; братья Эдвард (Тед) и Фрэнсис (Фрэнк), с женами и неисчислимым количеством детей; дяди, тети, кузины, друзья, приятели и просто знакомые — все столь плодовитые, что церковь уподобилась яслям или школе. Выдавая замуж последнюю дочку, мой тесть решил устроить все на славу, и это ему удалось.

Мы немного пришли в себя и решили воплотить в жизнь заветную мечту — провести медовый месяц в Югославии и на греческих островах.

Потом мы купили домик в Чешанте — оттуда было легко доехать почти до всех Босвортов.

Когда мы его покупали, мне, помнится, стало чуть-чуть не по себе, словно я почувствовал, что поступаю не совсем благоразумно; однако я приписал это личному предубеждению. Я не привык к родственным связям, не знал их с детства, а то, что я видел, мне не очень понравилось, но ради Мэри я решил стать настоящим членом клана. Она-то к родным привыкла! К тому же, думал я, ей будет не так одиноко при моих отъездах в город.

Намерения мои были благими, но все вышло не так, как думалось. Я скоро понял, что из меня не сделаешь полноценного представителя клана; боюсь, это поняли и другие. И все же, быть может, со временем я нашел бы себе место в клане, если б не особые обстоятельства.

В первый же год после нашего знакомства Дженет родила пятого и поговаривала о том, что шесть — более круглое число. Другая сестра, Пэшенс, поспешила создать квартет. Фрэнк тоже подарил Мэри племянника, и ее то и дело приглашали в крестные матери. У нас же не было надежд на появление ребенка.

Прошло два года с тех пор, как мы поженились, а ребенка все не было. Мэри сменила старого доктора на нового и, не поверив ему, отправилась к третьему. Третий тоже сказал, что беспокоиться не о чем... но Мэри беспокоилась.

Я, надо сказать, не знал, к чему такая спешка. Мы были молоды, и времени у нас хватало — все впереди! Мне даже хотелось пожить свободно еще несколько лет, и я говорил об этом Мэри.

Она соглашалась, но только для проформы. Создавалось впечатление, что она благодарна мне за притворство, но уверена, что сам я страдаю так же, как она.

Я не понимаю женщин. Никто их не понимает. А сами они понимают себя хуже всех. Например, ни я, ни они не могли бы сказать, почему им так хочется поскорее родить: биологическая ли это потребность или тут играют роль и другие факторы — желание оправдать надежды близких, доказать свою нормальность, укрепить семью, утвердить себя, убедиться, что ты совсем взрослая, не отстать от людей, выдержать соревнование. Не знаю, какой из этих факторов весомее и есть ли иные, но все вместе оказывают мощное воздействие. Стоит ли говорить, что замечательнейшие из женщин — скажем, Елизавета I или Флоренс Найтингейл — не утвердили, а потеряли бы себя, роди они ребенка. В мире, где и так хватает детей, все еще мечтают о детях.

Я начал сильно беспокоиться.

— Она с ума сходит, — говорил я Алану. — И совершенно зря. Доктора уверяют ее, что все в порядке, и я уверяю — но тут все горе в том, что очень уж давит среда. Весь ее клан помешан на детях, они больше ни о чем не говорят. Сестры рожают и рожают, и невестки, и подружки, и с каждым новорожденным Мэри

чувствует себя все более неполноценной. Я теперь не знаю — да и она не знает, — хочет она ребенка для себя или это что-то вроде соревнования.

Алан ответил так:

— Думаешь, ты прав? Вряд ли. Очень ли важно, в инстинкте дело или в среде? Она хочет ребенка, вот что главное, очень хочет. Мне кажется, выход тут один.

— Да господи, мы столько советовались...

— Я хочу сказать — надо бы найти замену. Как ты считаешь?

И мы усыновили Мэтью.

Какое-то время казалось, что все улажено. Мэри очень его полюбила, и дел у нее прибавилось. А кроме того, теперь она могла толковать о детях, как все. Как все? Нет, не совсем... Когда прошел первый восторг, Мэри поняла, что все же она не совсем полноценная мать.

— Мы переезжаем, — сказал я Алану месяцев через шесть.

— Куда? — спросил он.

— Да я нашел тут местечко в Хиндмере. Хороший дом, побольше этого, и стоит повыше. Меньше похоже на город. Воздух, говорят, лучше.

Он кивнул.

— Так, так, — сказал он и снова кивнул. — Правильно.

— Ты о чем?

— Далеко отсюда. На другом конце Лондона... А Мэри что думает?

— Она очень рада. Вообще она теперь редко радуется — но попробовать ей хочется. — Я помолчал. — Иного выхода нет. Я очень боялся, что она вот-вот сорвется. Увезу ее от этих влияний. Пусть ее родственники наслаждаются своей плодовитостью, а ей лучше

пожить самостоятельно. В новом месте никто не будет знать, что Мэтью — не ее сын, если она сама не скажет. Кажется, это и до нее дошло.

— Да, лучше не придумайшь, — отвечал Алан.

Так оно и было, Мэри ожила. Через несколько недель она совсем оправилась, завела друзей и нашла себе место в жизни.

А через год мы сами стали ждать ребенка.

Я сказал двухлетнему Мэтью, что у него появилась сестричка. К моему удивлению, он заплакал. Не без труда я допытался, что он ждал овечку. Но парень быстро смирился и отнесся к Полли с большой ответственностью.

Так мы стали хорошей и правильной семьей из четырех человек — правда, одно время нас было пятеро. К нам присоединился Пиф.

Глава 2

Пиф был невидимый маленький друг. Полли завела его лет в пять, и, пока он был с нами, он нам очень мешал.

Вот ты садишься на пустой стул, и вдруг тоскливый вопль удерживает тебя в самой неустойчивой позе — ты чуть не задавил Пифа. Любое твоё движение могло обеспокоить неприкосновенную тварь, и Полли кидалась утешать ее, самозабвенно бормоча что-то о неосторожных злых папах. Часто в самый разгар телеспектакля или бокса из детской, сверху, раздавался зов; в большинстве случаев Пифу хотелось попить. Когда, зайдя в кафе, мы вчетвером садились за столик, Полли отчаянно молила изумленную официантку принести пятый стул. Или в машине включишь сцепление, а дети тут же взвоят — оказывается, Пиф еще не сел, надо открыть дверцу. Как-то раз я

отказался взять Пифа на прогулку, и зря — моя жестокость омрачила весь день.

Для существа своей породы Пиф был не слишком долговечен. Он пробыл с нами добрую часть года, которая показалась нам длинней, чем была, а летом его обидели. Увлечшись более осязаемыми друзьями, Полли бессердечно покинула его, и в город мы вернулись вчетвером.

Я был рад его исчезновению, но пожалел беднягу, обреченного навеки бродить по пустынным пляжам Сассекса. И все-таки без него стало легче — кажется, и самой Полли. И вот теперь Мэри намекнула, что нам грозит еще один такой друг. Об этом страшно было и подумать.

— Да, — печально ответил я. — К счастью, этого быть не может. Пиф годится для маленькой девочки. Если одиннадцатилетний парень хочет кем-нибудь командовать, у него всегда найдутся мальчишки поменьше.

— Ох, надеюсь, ты прав, — неуверенно сказала Мэри. — Хватит с нас одного Пифа.

— Тут совсем другое, — продолжал я. — Если помнишь, Пифа вечно бранили и он кротко терпел. А этот все ругает, обо всем судит...

Мэри удивилась:

— Как это? Я не понимаю...

Я повторил, как мог, все, что слышал.

Мэри нахмурилась.

— Ничего не пойму, — сказала она.

— Очень просто. В конце концов, календарь — условность...

— Нет, Дэвид! Для детей — нет! Для мальчика это закон природы, как день и ночь или зима и лето. В неделе семь дней, иначе быть не может.

— Мэтью примерно так и отвечал. Понимаешь, казалось, будто он спорит с кем-то... или с самим собой. В любом случае — дело темное.

— Наверное, он спорил с тем, что ему в школе сказали — учитель или кто еще.

— Да, наверное, — согласился я. — И все равно неясно. Кажется, теперь кое-кто хочет, чтобы в каждом месяце было по двадцать восемь дней. Но чтобы в неделе — восемь, а в месяце — тридцать два... нет, такого я не слышал. — Я подумал немного. — Ничего не выйдет. Куда-то надо деть еще девятнадцать дней. — Я покачал головой. — Во всяком случае, я не хотел бы раздувать из этого историю. Просто разговор мне показался необычным, и всё. А ты ничего не замечала?

Мэри снова опустила вязанье и пристально изучала узор.

— Нет... не то чтобы... Иногда он что-то бормочет, но бормочут все дети. Боюсь, я не очень прислушивалась... Понимаешь, не хотела помогать рождению нового Пифа. Но вот что важно: он теперь все время спрашивает...

— Теперь! — повторил я. — А раньше он не спрашивал?

— Сейчас — по-другому. Понимаешь, раньше он спрашивал, как все... А теперь...

— Я не заметил никаких перемен.

— Да, он и по-старому спрашивает, но еще и по-новому, иначе.

— Как же это?

— Ну, вот хотя бы: «Почему у людей два пола?» Он говорит, зачем нужны два человека, чтобы сделать одного? И еще — «где Земля?» Нет, подумай — как это «где»? По отношению к чему? Он знает, что она вращается вокруг Солнца, но где само Солнце? И еще много другого — совсем не те вопросы, что прежде.

Я ее понимал. Раньше Мэтью спрашивал много и о разном, но интересы его были ближнего прицела, скажем «почему тут гайка?» или «почему лошади едят одну траву, а мы так не можем?».

— Взрослеет? — предположил я. — Кругозор расширяется?

Мэри поглядела на меня с упреком:

— Милый, я о том и твержу. Ты мне другое скажи — почему он расширяется, почему так вот, сразу, изменились у Мэтью интересы?

— А что? Ты как думала? Для того и ходят в школу, чтоб интересы стали шире.

— Да, да, — сказала она и снова нахмурилась. — Но это не то, Дэвид. Он не просто развивается. Он как будто перепрыгнул на другую дорожку... Стал другим, иначе на все смотрит. — Она помолчала, все еще хмурясь, и прибавила: — Надо бы знать побольше о его родителях. В Полли я вижу и тебя, и себя. Смотришь — и чувствуешь: что-то развивается. А с Мэтью не за что ухватиться. Не знаешь, чего ждать.

Я понял ее — хотя не очень уж верю, что в ребенке видны родители. И еще я понял, куда идет наш разговор. Через два-три раунда мы уткнемся в проблему среды и наследственности. Чтобы этого избежать, я сказал:

— Надо слушать и наблюдать — так, незаметно, — пока впечатления не станут отчетливей. Зачем зря беспокоиться? Может, это скоро пройдет.

И мы решили положиться на время.

Однако следующий же день принес новые впечатления.

Для воскресной прогулки мы с Мэтью выбрали берег реки.

Я не сказал ему о подслушанном разговоре и говорить не собирался, но присматривался к нему — прав-